

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Секрет
одноглазой
Фемиды

Наталья Николаевна Александрова **Секрет одноглазой Фемиды**

**Серия «Наследники Остапа
Бендера (Частные детективы
Лола и Леня Маркиз)», книга 36
Серия «Смешные детективы»**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32496487
Секрет одноглазой Фемиды: Э; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-093053-1*

Аннотация

Георгий Бакланов не мог поверить в происходящее с ним. Они с женой отмечали годовщину свадьбы в ресторане. Елена вышла, а вернулась совершенно другая женщина, которая стала уверять Георгия, что именно она – его наивернейшая супружница. Но не может быть эта бабенка его благоверной! Георгий не пил, не принимал никаких препаратов, неужели же он не в состоянии узнать свою собственную жену? Теперь спасти несчастного от ненормальной тетки сможет даже не врач-психиатр, а мошенник экстра-класса Леня Маркиз и его помощница Лола. Только им по плечу выяснить, какую тайну хранит лжесупруга и какое

отношение ко всей этой истории имеет грозное мексиканское божество...

Наталья Александрова

Секрет одноглазой Фемиды

© Александрова Н. Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

– Лена, выпьем за нас с тобой! – Георгий поднял бокал с золотистым вином, посмотрел сквозь него на свою жену. Ее светлые волосы приобрели оттенок живого золота, мягко заблестели в отблеске свечей, которые зажег на их столе официант. Лена рассеянно улыбнулась, взглянула в зеркальную стену, где отражался зал ресторана.

– Представь, какое понадобилось стечение обстоятельств, чтобы мы оба оказались на той вечеринке, где нас познакомил Стивенс? Для начала нужно было, чтобы мы оба оказались в Венесуэле...

Внезапно Георгий понял, что жена его не слушает. У нее появилось какое-то странное, отсутствующее выражение. Казалось, она сейчас не здесь, не с ним, а где-то за тридевять земель... впрочем, именно там, за тридевять земель отсюда, в далекой экзотической Венесуэле, они и познакомились...

Георгий подумал, что слишком много говорит, что этим,

наверное, наскучил Лене, и решил, что настал самый подходящий момент для заранее приготовленного сюрприза. Он вытащил из кармана синюю бархатную коробочку, положил на стол, накрыв большой ладонью, и проговорил таинственным голосом:

– Закрой глаза!

Лена послушно закрыла глаза. На ее лице появилось доверчивое детское выражение, выражение, с каким ребенок ожидает чуда, ожидает новогодний подарок. Георгий бережно взял ее руку, открыл коробочку, достал перстень с крупным сапфиром и осторожно надел на безымянный палец. Перстень был чуть маловат, он едва налез. Георгий немного расстроился, что не угадал с размером.

– Можно открыть глаза?

Лена взглянула на кольцо, благодарно улыбнулась:

– Какая прелесть!

Она подняла руку с кольцом к свету. Сапфир засиял тем же чудным глубоким светом, каким сияли Ленины глаза.

– Немножко тесноват, – проговорил Георгий виновато.

– Ничего, разносится! – Лена перегнулась через стол, поцеловала мужа в уголок губ, снова скосила глаза в зеркало и проговорила извиняющимся тоном: – Гошенька, я оставляю тебя на несколько минут!

Она встала, легкой танцующей походкой пересекла зал.

Георгий проводил ее взглядом, откинулся на спинку стула, прикрыл глаза.

Он вспомнил тот день полтора года назад, когда пришел на вечеринку, устроенную строительной фирмой, в которой он работал. Его знакомый американец, Рикки Стивенс, подошел к нему и проговорил:

– Познакомься, Джордж, это Хелен, она – твоя соотечественница...

Георгий взглянул на спутницу Стивенса, загорелую высокую блондинку – и пропал.

Должно быть, тогда совпало многое – волшебная южная ночь, далекая страна, небо, усеянное незнакомыми созвездиями, как алмазами в сотни карат, волнующая латиноамериканская музыка и эта чудесная женщина с удивительными синими глазами...

На следующий день они снова встретились, а через два месяца в посольстве поженились.

Георгий вспомнил их свадьбу и невольно улыбнулся. В самый торжественный момент в комнату вбежал лабрадор посла, сдернул со стола скатерть вместе с вазой, в которой стояли две дюжины белых роз. Мокрые белые цветы осыпали весь ковер. С тех пор Георгий по любому поводу дарил Лене белые розы.

Георгий открыл глаза и взглянул на часы.

Лены не было уже двадцать минут. В принципе повода для беспокойства пока не было, но внезапно он почувствовал какую-то смутную тревогу.

Через зал к его столику приближалась высокая светлого-

лосая женщина в платье такого же, как у Лены, темно-красного цвета. В первый момент ему даже показалось, что она чем-то похожа на его жену, и Георгий улыбнулся. Только потом понял свою ошибку и стер улыбку с лица.

Незнакомка подошла к его столу, отодвинула стул и проговорила:

– Ты не скучал без меня, дорогой?

– Простите? – Георгий недоуменно взглянул на женщину. – Что вы сказали?

– Ты не скучал без меня, дорогой? – повторила она, усаживаясь на Ленино место. – Я немного задержалась.

– Это что – какая-то шутка? – Георгий удивленно улыбнулся. – Вы – Ленина знакомая? А где Лена?

– Перестань дурачиться, Жора. – Женщина взяла в руку Ленин бокал, пригубила вино, поставила бокал на место. – Ты хочешь еще немного посидеть, или поедем домой?

– Вы что – решили меня разыграть? – Георгий растерянно заморгал. – Нет, серьезно – где Лена?

– Хватит, дорогой, это не смешно! – Незнакомка нахмурилась. – Поедем домой, мне здесь уже надоело!

– Да что происходит?! – Георгий повысил голос. – Это действительно не смешно! Где Лена?

– Слушай, сколько можно! – Женщина нахмурилась. – На нас уже начинают оглядываться! Что с тобой происходит? Это на тебя совершенно не похоже!

– Нет, в конце концов все имеет свои пределы! – возму-

тился Георгий. – Мне совершенно не нравится этот розыгрыш! Где моя жена?

– Я твоя жена! Прекрати этот балаган!

Незнакомка раздраженно огляделась. На них действительно удивленно смотрели из-за соседних столиков. Георгий перевел дыхание, опустил глаза, стараясь успокоиться. Он взглянул на руки незнакомки и увидел на безымянном пальце кольцо с сапфиром. То самое кольцо, которое только что надел на палец жене.

Это было не просто похожее кольцо – это было то самое кольцо! Он долго выбирал его в ювелирном магазине и не мог ошибиться! Те же золотые веточки, поддерживающие крупный синий камень...

В затылке начала пульсировать боль, в глазах потемнело. Да что же это происходит? Может быть, он сходит с ума?

Он снова поднял глаза, внимательно взглянул на женщину, сидящую напротив.

Широковатые скулы, ложбинка на подбородке, родинка на левой щеке. Определенно, он ее никогда раньше не видел.

– Кто вы? – проговорил он вполголоса, стараясь не волноваться. – Что вам нужно? Где моя жена?

– Опять ты за свое! – Женщина раздраженно взмахнула рукой, при этом перстень соскользнул, она поймала его на лету и снова надела на безымянный палец.

Георгий отметил, что перстень ей велик, а Лене он с трудом смог его надеть.

— Где моя жена? — повторил он хрипло, сам понимая, как глупо это звучит.

— Ну все. — Женщина сдвинула брови, поднялась. — Ты можешь делать все, что хочешь, а я поеду домой.

— Где Лена?! — Георгий привстал, наклонился к незнакомой женщине, сверля ее взглядом. — Где моя жена?

К их столику подошел официант, озабоченно проговорил:

— Какие-то проблемы?

— Проблемы? — Георгий посмотрел на него невидящим взглядом. — Мы... эта женщина...

— Кажется, мой муж выпил лишнего! — перебила его женщина. — Простите, наверное, нам лучше уехать!

— Я тебе не муж! — выпалил Георгий.

Перед глазами у него все поплыло, стол качнулся. Официант странно взглянул на него и исчез, тут же на его месте появился метрдотель, высокий худощавый мужчина средних лет.

— У нас приличное заведение, — проговорил он вполголоса. — Нам не нужны скандалы. Сейчас я вызову для вас такси...

— Приличное заведение? — выкрикнул Георгий. — Да у вас здесь черт знает что творится! Где моя жена?

— Ваша жена? — Метрдотель удивленно взглянул на женщину за столиком.

— Не слушайте его, — смущенно проговорила женщина. — Муж выпил лишнего. Прежде с ним такого никогда не слу-

чалось. Нам действительно лучше уехать.

— Я с этой женщиной никуда не поеду! — закричал Георгий и потянулся к блондинке. — Куда ты дела Лену?

Его схватил за руку прежний официант, с другой стороны подскочил еще один. Вдвоем они повели его к выходу. Перед входом в ресторан их уже ждало такси. Официанты ловко толкнули Георгия на заднее сиденье, женщина села рядом.

— Куда едем? — спокойно осведомился водитель, взглянув в зеркало на Георгия.

— Я никуда не еду! — крикнул тот. — Я должен вернуться! Там осталась моя жена...

— Не слушайте его! — перебила женщина. — Муж выпил лишнего, он сам не знает, что говорит.

И она назвала адрес, их с Леной адрес.

— Бывает, — спокойно проговорил водитель, и машина плавно тронулась.

Георгий попытался открыть дверцу, выскочить, но женщина схватила его за руку и прошипела, как рассерженная кошка:

— Прекрати сейчас же! В конце концов это просто неприлично! Как ты себя ведешь?

Внезапно Георгий почувствовал дурноту и слабость. Окружающее заколыхалось, как колышется театральный занавес, прежде чем разъехаться и открыть сцену, перед глазами поплыли радужные круги и полосы. Он прикрыл глаза, откинулся на спинку сиденья и попытался успокоиться, по-

нять, что же с ним происходит.

Может быть, ему все это просто померещилось? Может быть, сейчас он откроет глаза и увидит рядом Лену?

Но когда он открыл глаза, то увидел рядом все ту же незнакомую женщину. Дурнота усилилась, он застонал и провалился в тусклое темное беспамятство.

– Надо же, как мужик нализался! – сочувственно проговорил таксист. – И часто с ним такое?

– Не поверите – первый раз! – вздохнула женщина.

Водитель недоверчиво хмыкнул.

Когда они доехали до дома, таксист с женщиной кое-как вытащили Георгия из машины. На свежем воздухе он пришел в себя, по крайней мере, мог самостоятельно идти. Они вошли в подъезд, добрались до лифта и тут встретили соседей, пару средних лет с маленькой собачкой. Соседи взглянули на Георгия удивленно и неодобрительно, жена испуганно поздоровалась, Георгий в ответ пробурчал что-то неразборчивое.

Наконец они вошли в квартиру, Георгий кое-как доплелся до кровати, упал на нее, не раздеваясь, и на этот раз окончательно отключился.

* * *

Утром он проснулся с жестокой головной болью и в ужасном настроении. Все вчерашнее происшествие казалось ему

бредом, он не понимал одного: как он мог так напиться, что перестал узнавать собственную жену?

Он вспомнил вчерашний бред, вспомнил, как ему казалось, что Лена превратилась в совершенно незнакомую женщину. Ему стало стыдно, мучительно стыдно.

Самое ужасное, что он устроил такой скандал именно в годовщину их свадьбы, в такой день испортил Лене настроение!

Жены, кстати, рядом в постели не было, зато из кухни доносилось звяканье посуды и шум льющейся воды. Наконец в коридоре послышались шаги, и жизнерадостный голос проговорил:

– Ну как, дорогой, ты проснулся?

Дверь спальни открылась. В первый момент Георгий увидел поднос с чашкой кофе и бутербродами, руку, плечо в розовом – домашний халатик жены.

– Не знаю, можно ли тебе кофе, – произнес голос, на этот раз озабоченный. – Вчера тебе было так плохо...

Женщина повернулась к нему лицом... и Георгий застыл: это была не его жена. В розовом халате жены в комнату вошла та самая вчерашняя блондинка. Блондинка из его бреда.

Она поставила поднос на прикроватную тумбочку, поправила одеяло и проговорила с сомнением в голосе:

– Не стоило бы так о тебе заботиться после вчерашнего, но я не могу так сразу перечеркнуть все, что у нас было. Однако

ты должен понять, в какое ужасное положение меня вчера поставил! Особенно стыдно мне было перед соседями! – Тут она увидела его перекошенное лицо и спросила: – Ну, что с тобой? Тебе опять плохо? Тогда, наверное, тебе не стоит пить кофе!

– Где... где Лена? – едва слышно проговорил Георгий.

Женщина всплеснула руками и выбежала из спальни.

Тогда Георгий поднялся, добрел до двери.

Голова кружилась, руки дрожали, во рту был отвратительный привкус. Из коридора доносились какие-то странные звуки, как будто кто-то мучил кошку.

Держась за стену, Георгий вышел в коридор.

Странные звуки доносились из ванной, и теперь он понял, что это за звуки – там, за закрытой дверью, рыдала женщина.

Даже мысленно он не мог назвать ее Леной. И не мог открыть дверь ванной, чтобы снова ее увидеть.

И тут в его голову пришла простая и разумная мысль. Он даже удивился, как не подумал об этом раньше.

Георгий бросился в свой кабинет, где в ящике письменного стола лежали их с Леной документы.

Сейчас все встанет на свои места, наваждение рассеется.

Выдвинув ящик, он вытащил паспорта, открыл...

Верхний был его, он раздраженно отбросил его, открыл второй – и застыл в шоке.

На первой странице паспорта красовалась фотография.

Это была не Ленина фотография. Это была фотография

той самой женщины, которая сейчас рыдала в ванной.

Широковатые скулы, глубокая ложбинка на подбородке, родинка на левой щеке.

– Что за бред! – пробормотал Георгий, тупо разглядывая паспорт.

Бакланова Елена Дмитриевна. Год, месяц и число рождения – все, как у Лены. Но лицо... лицо совершенно посторонней женщины. Лицо, которого он не видел до вчерашнего вечера.

Но этого просто не может быть!

Тут он вспомнил, что здесь же, кроме общегражданских паспортов, лежали и их с Леной заграничные паспорта. Они хранились в самой глубине ящика.

Георгий отодвинул остальные документы, увидел знакомую красную обложку.

Это был его загранпаспорт.

Он прекрасно помнил, что Ленин лежал тут же, рядом, но сейчас его не было.

Георгий перерыл содержимое ящика. Паспорта жены нигде не было, зато он нашел конверт с фотографиями.

Лена почему-то не любила фотографироваться, с огромным трудом ему несколько раз удалось уговорить ее, но свадебные-то фотографии у них были!

С быющим от волнения сердцем он вытряхнул глянцевые снимки из конверта.

Вот коттедж, который после свадьбы предоставила ему

строительная фирма. Вот белоснежный катер, на котором они катались на следующий день после бракосочетания. Вот островок, куда они приплыли, – маленький уголок утопающего среди зелени тропического рая.

Вот, наконец, и они сами – сразу после свадьбы, сфотографировались вместе с послем.

В центре снимка – сам посол, плотный, представительный мужчина с седыми висками, рядом с ним – его собака, тот самый лабрадор, по левую руку от посла – он, Георгий, а возле него – светловолосая женщина в легком белом платье...

Это была не Лена.

Это была она, женщина с родинкой на щеке.

Рыдания в ванной стали еще громче.

Георгий тупо уставился в стену.

Что происходит? Может быть, он действительно сошел с ума, перестал узнавать собственную жену?

Он подошел к зеркалу, висевшему в простенке, взглянул на свое отражение. Он был готов ко всему – даже к тому, что не узнает и свое собственное лицо.

Но нет, лицо в зеркале было то самое, которое он видел каждое утро, бреясь или умываясь. Правда, оно было бледным, растерянным, с темными кругами под глазами – но это неудивительно, учитывая обстоятельства...

Георгий вернулся в спальню, сел на кровать, тупо разглядывая узор ковра. Машинально взял чашку кофе, сделал несколько глотков.

Кофе был остывший, с каким-то неприятным привкусом. В голове от него не прояснилось, как обычно, наоборот, мысли стали еще больше расплываться.

Доносящиеся из ванной рыдания прекратились, в коридоре негромко хлопнула дверь. Георгий в ужасе подумал, что сейчас *эта женщина* (мысленно он только так мог ее называть) войдет к нему, он снова ее увидит, услышит ее голос... это было выше его сил.

Но она, к счастью, удалилась на кухню, загремела там посудой.

Георгий прилег. Он хотел еще раз обдумать чудовищную, бессмысленную ситуацию, но вместо этого заснул.

Это был не сон, а какое-то странное, мутное забытие. Сквозь дремоту он слышал возле себя шаги, скрип, стук, словно кто-то выдвигал ящики комода, перебирал вещи. В какой-то момент Георгий приоткрыл глаза и увидел, что *эта женщина* стоит на коленях посреди спальни, вывалив на пол содержимое ящиков, и перебирает его, словно что-то ищет. Он хотел спросить ее, что она делает, но снова провалился в сон, на сей раз настоящий, глубокий, со сновидениями.

Ему снилось, что они с Леной идут, разговаривая, по узкой дорожке среди пышно цветущих тропических кустов. Лена все время отворачивается от него, как будто он ее чем-то обидел. Ему очень хочется увидеть ее лицо, он берет ее за плечи, поворачивает к себе...

И вместо любимого лица видит жуткий оскаленный череп

с глубокими провалами глазниц.

Георгий закричал от ужаса и от собственного крика проснулся.

Рядом с ним стояла *эта женщина*. Она смотрела на него с нежностью и сочувствием. Заботливо промокнув его лоб мокрым полотенцем, она проговорила:

– Что с тобой, дорогой? Ты так кричал! Давай измерим температуру. Наверное, ты заболел, поэтому так странно вел себя и вчера, и сегодня утром.

– Оставь меня! – вскрикнул Георгий, оттолкнул руку с полотенцем и вскочил.

Вещей на полу не было, в спальне был порядок. Впрочем, возможно, та сцена ему просто приснилась.

– Да что с тобой происходит? – Женщина попыталась остановить его, провела рукой по волосам.

Георгий вздрогнул от этого прикосновения. Происходящее бесконечно мучило его, он чувствовал, что и правда сходит с ума. Нужно было хоть что-то сделать, что-то сказать... как бы сделать так, чтобы *эта женщина* хоть ненадолго оставила его в покое? В ее присутствии он не мог ни думать, ни вспоминать.

– У меня очень болит голова! – проговорил он, дотронувшись пальцами до лба и мучительно поморщившись.

– Сейчас я принесу тебе таблетку! – Женщина выскользнула из спальни. Он перевел дыхание, но передышка была недолгой: она снова возникла на пороге, протянула ему таб-

летку и стакан. В стакане была не вода, а слабо заваренный чай.

– Это зеленый чай, – проговорила она прежде, чем он успел задать вопрос. – Он очень хорошо помогает от похмелья.

– Похмелье? – повторил он за ней. – Но я вчера выпил совсем немного, всего два бокала хорошего вина...

– Ну, не знаю! – Женщина протянула ему таблетку, дождалась, проследила, чтобы он положил ее в рот, подала стакан.

В это время из коридора донесся телефонный звонок. Она бросилась на этот звонок, как будто от него зависела ее жизнь.

Едва она выскользнула в коридор, Георгий выплюнул таблетку, метнулся к цветочному горшку, засунул таблетку в землю. Тут он вспомнил странный привкус кофе, вспомнил внезапно навалившуюся на него дремоту и вылил туда же чай.

Едва он успел вернуться на прежнее место, в комнату вошла *эта женщина*.

Увидев пустой стакан, она удовлетворенно улыбнулась:

– Выпил? Молодец! Приляг, сейчас таблетка подействует, и тебе станет лучше...

– Кто это звонил? – спросил Георгий, послушно укладываясь в постель.

– Ошиблись номером, – быстро ответила она. – Спрашивали какую-то Олимпиаду Самсоновну. Поспи, тебе станет

лучше...

Георгий прикрыл глаза, сделал вид, что засыпает, но сквозь полуопущенные веки следил за женщиной.

И она следила за ним, как кошка следит за мышью, – внимательно, настороженно, пристально.

Так прошло две-три минуты, она удостоверилась, что он заснул, и наконец отвернулась.

И снова, как прошлый раз, принялась тщательно и планомерно обследовать спальню. На этот раз она проверяла содержимое прикроватных тумбочек.

Видимо, ничего в них не найдя, привела их в порядок и вышла из комнаты.

Едва дверь за ней закрылась, Георгий поднялся, подкрался к двери, прислушался. Из коридора доносился приглушенный голос – должно быть, *эта женщина* разговаривала с кем-то по телефону. До Георгия доносились только отдельные слова:

– Да... в порядке... нет, пока не нашла... ну, а как ты думаешь?... нет, я надеюсь успеть...

Георгий больше не мог находиться в квартире, не мог находиться под одной крышей с *этой женщиной*. Уйти, уйти хоть куда-то, хоть немного побыть одному! Может быть, если ее не будет рядом, он сможет спокойно обдумать происходящее и найти в нем хоть какой-то смысл...

Однако прежде чем покинуть квартиру, Георгий сделал

еще одну, довольно странную вещь. Пробравшись в спальню, он разрыл землю в цветочном горшке, нашел таблетку, которую дала ему *эта женщина*, завернул в бумажную салфетку и сунул в карман. После этого, стараясь не шуметь, он прошел в прихожую, оделся, сунул в карман ключи и бумажник и выскользнул на лестницу.

На лестничной площадке он увидел соседку – ту самую женщину с собачкой, которую встретил накануне вечером. Она выходила из своей квартиры, но, увидев Георгия, испуганно юркнула обратно и захлопнула за собой дверь.

Георгий ссутулился, сбежал по лестнице, вышел на улицу и побрел куда глаза глядят.

Он шел, не глядя по сторонам, не разбирая дороги, пытается понять, что же с ним происходит.

Что это – какая-то чудовищная шутка? Кто может так дико и бессмысленно шутить? Лена на такое не способна, она ни за что не поступила бы с ним так жестоко!

И потом – паспорт! Он своими глазами видел паспорт с Лениными данными и фотографией *этой женщины*... и та, свадебная фотография в посольстве...

Но тогда... тогда это может значить только одно: он сошел с ума, перестал узнавать собственную жену...

Сошел с ума?

Георгий всегда считал себя человеком на редкость здравомыслящим, не склонным к дурачествам, скорее даже занудой, чем чудаком. Но, может, именно такие люди и сходят

с ума?

Он попытался проверить, сохранил ли рассудок. Для начала вспомнил таблицу умножения, потом кое-какие формулы, которыми пользовался в своих строительных расчетах. Вроде бы память ему не изменила, хотя, возможно, сумасшедшие тоже сохраняют какие-то профессиональные знания...

– Залил глаза! – проговорила какая-то пожилая женщина, с которой он едва не столкнулся. – Пьянь хроническая! Вот ведь досталось какой-то женщине такое сокровище!

Георгий извинился, огляделся по сторонам.

Он оказался далеко от дома, рядом с дверью, над которой красовалась вывеска «Медицинский центр «Здоровье и долголетие». Все виды медицинских обследований и анализов».

Георгий толкнул дверь, вошел внутрь.

Напротив двери, за хромированной стойкой, сидела молодая привлекательная женщина в белом халате. На стене за ее спиной был постер, изображавший какое-то жуткое чудовище с многочисленными лапами и страшными зубами. Надпись на постере гласила:

«Серебристый стафилококк и как с ним бороться».

Георгий подошел к стойке и откашлялся.

– Я вас слушаю, – приветливо проговорила женщина.

– У вас можно сделать любой анализ? – осведомился Георгий.

– Практически любой, – заверила его та.

– И можно быстро получить результат?

– Ну... это зависит от сложности анализа, но мы делаем все на месте, никуда не возим, так что в обычных случаях результат можно получить через час-два. Но, конечно, придется доплатить за срочность.

– Дело в том, что у меня не самый простой случай...

Георгий замялся, и женщина поняла его по-своему:

– Результат реакции Вассермана будет готов через три часа. Быстрее не получится. Но конфиденциальность мы вам гарантируем...

– Да нет. – Георгий замахал на нее руками. – У меня совсем другое!

Он вытащил из кармана салфетку с завернутой в нее таблеткой и положил на стойку:

– Мне нужно узнать состав вот этого лекарства.

Женщина в белом, ничуть не удивившись, посмотрела на таблетку и сказала:

– Ну, опять-таки это зависит от того, с чем мы имеем дело, но я передам таблетку нашему лаборанту. Поскольку вы хотите получить результат немедленно, это будет стоить...

Георгий не стал спорить и тут же выложил деньги.

Женщина в белом подняла трубку интеркома и позвала какую-то Полину Леонидовну. Тут же открылась задняя дверь, и в приемную, скрипя суставами, вышла сутулая старушка в очках с толстыми стеклами. Старушка выслушала объяснение, взяла таблетку пинцетом, осмотрела, обнюхала

и удалилась.

– Можете пока подождать. – Регистратор показала Георгию на глубокое кресло рядом с журнальным столиком. – Полина Леонидовна – замечательный специалист. Думаю, что она быстро разберется.

Действительно, не успел Георгий пролистать глянцевого журнал, посвященный здоровому образу жизни, как в приемной снова появилась Полина Леонидовна и, ни слова не говоря, протянула регистратору листок с отпечатанным текстом.

– Ну вот видите, все уже готово! – жизнерадостно сообщила женщина в белом Георгию и отдала ему результат анализа.

Прочитав отпечатанный на листке текст и выслушав подробное пояснение, Георгий вышел из медицинского центра в еще более растрепанных чувствах, чем час назад.

Прямо напротив светилась вывеска бара с весьма странным названием «Ридикюль».

И тут ноги сами понесли его к дверям бара. Может быть, если он выпьет, ему станет легче, и он сможет взглянуть на происходящее под другим углом...

Внутри было шумно и накурено.

Играла громкая музыка, но главным источником шума была не она. Посреди бара стоял долговязый тип лет сорока, с опухшим и помятым лицом, в блестящем пиджаке и с длинными слившимися волосами. Он таскал за волосы пьяную

крашеную блондинку в немыслимо короткой юбке и орал хриплым голосом:

– Я тебя научу искусство любить! Я тебе покажу, что ты собой представляешь! Ты что, тля, о себе вообразила? Кто есть ты и кто есть я! У меня в одном мизинце больше этого... таланта, чем во всей их поганой шарашке!

Блондинка визжала и пыталась вырваться. Окружающие не вмешивались, с интересом наблюдая за происходящим. Бармен спокойно стоял за стойкой, не реагируя на происходящее, однако длинноволосый скандалист свободной рукой схватил подвернувшуюся бутылку и запустил ее в сторону стойки. Бармен ловко увернулся и скрылся за стойкой, посыпались осколки, раздался звон бьющегося стекла. Вдруг какой-то бородатый тип подошел к скандалисту и возмущенно проговорил:

– Слушай, ты, оставь девушку в покое!

Из-за стойки снова показался бармен и обратился к бородачу:

– Слушай, друг, не лезь не в свое дело, а то только хуже будет! Ты же его знаешь...

Бородач не успел ответить. Скандалист повернулся к нему, уставился с беззгливым удивлением и процедил:

– А ты кто такой? Обыкновенное насекомое! А как с насекомыми поступают?

В ту же секунду в его руке появилась квадратная бутылка из-под виски, он размахнулся и уже готов был опустить бу-

тылку на голову незадачливого бородача, но тут обстановка резко переменилась.

Дверь бара распахнулась, в него ворвалась высокая женщина лет тридцати в узких джинсах со стразами и бордовом кашемировом свитере. Не замедляя движения, она подлетела к скандалисту, ловко выхватила у него из руки бутылку и поставила на стойку, развернула бородастого правдоискателя, усадив его за свободный столик, затем отцепила от длинноволосого пьяную блондинку, сунула ей в руку крупную купюру и подтолкнула к выходу из бара.

Все эти действия заняли у нее не больше секунды. Видно было, что она проделывает их не первый раз.

Скандалист, осознав, что у него отобрали игрушку, обиженно надул губы и проговорил:

– Это ты, Аля? Вечно ты не вовремя появляешься!

– Очень даже вовремя! – перебила его женщина, подхватила длинноволосого под руку и толкнула навстречу здоровенному парню, который вошел в бар вслед за ней. – Мишаня, отвези его домой!

– Само собой! – ответил здоровяк, перехватив скандалиста.

Тот, однако, пытался сопротивляться и возмущенно орал:

– Зачем домой? Не хочу домой! Хочу гулять! Я тут так хорошо оттягивался...

– Угомонись! – шикнула на него женщина. – Ты уже нагулялся, пора баиньки!

– Не хочу баиньки... – Длинноволосый пытался отбиваться, но его уже вынесли из бара.

Тут же из-за стойки показался бармен.

– Добрый вечер, Альбина Ивановна! – льстиво обратился он к решительной женщине. – Как вы его ловко уgomонили!

– Работа такая! – ответила та. – Тебе спасибо, Кеша, что позвонил, пока мой не успел дров наломать! Столько хватит? – И она протянула бармену несколько купюр.

– В самый раз! – ответил тот, преданно глядя на женщину. – А вам – как обычно?

– Да, налей, надо стресс снять!

Бармен налил в стакан что-то зеленое, добавил немного розового и бросил несколько кубиков льда. Женщина присела тут же, у стойки, придвинула к себе бокал и задела Георгия плечом.

– Простите! – не глядя, сказала она. – Вы не могли бы чуть подвинуться?

Голос ее показался Георгию знакомым. Точнее, не голос, а манера несколько растягивать слова. Теперь, когда женщина говорила спокойно, это проявилось.

Неизвестно почему ему вспомнился жаркий летний день и берег Невы возле Лесопарка. Вода чистая, потому что город ниже по течению, она переливается на солнце и отдает серебром.

Загорелые дочерна ребятишки возятся на мелком месте, и белобрысая девчонка брызгает ему в лицо. А он закрывается

от брызг ладошкой, отходит все дальше от берега, и вдруг дно уходит из-под ног, и он начинает тонуть. Потому что еще маленький, и плавать отец научит его только в будущем году.

Он тогда ужасно испугался, и девчонка, увидев его выпученные глаза, мигом сообразила, что дело плохо, и бросила ему резиновый надувной круг. Да так ловко, что круг сам наделся на шею.

И он выплыл, никто из взрослых даже не заметил. Они ничего взрослым и не сказали, потому что отец надавал бы тумаков, а мать больше ни за что не отпустила бы от себя на пляже.

– Эй, вы меня слышите? – Женщина довольно ощутимо ткнула его в плечо.

Георгий повернулся и пристально на нее посмотрел.

Коротко стриженные светлые волосы, большой решительный рот, вертикальная морщинка между бровями. Верно, она и раньше брови хмурила. А волосы тогда были еще светлее, две белобрысые косички, как две запятые. Потом она их в хвост завязывала.

– Не может быть... – сказал он изумленно. – Неужели Алька?

– В чем дело? – Тонкие, аккуратно выщипанные брови сошлись на переносице.

А раньше вообще бровей не было заметно.

– Ты... вы меня не узнаете? – Георгий слишком поздно понял, что не следовало ничего говорить. Может, она его то-

же узнала, просто не хочет признаваться. Подумаешь – друзья детства, это когда было-то...

– Узнаю, – тихо сказала Альбина, – конечно, узнаю, Гера. Вот так встретились...

От того, что она назвала его именем Гера, которым никто его не называл уже очень давно – только мама в детстве да ребята во дворе, у Георгия вдруг защемило в глазах. Он отвернулся и поймал внимательный взгляд бармена.

– Кеша, – тут же встрепенулась Альбина, – где у тебя можно спокойно поговорить? Знакомого вот встретила...

– Сюда проходите! – Бармен поманил их за занавеску и привел в маленькую комнатку, где имелись только столик и два простых стула. – Располагайтесь, тут никто не мешает.

– Сколько лет прошло... – пробормотал Георгий, не глядя на Альбину.

– Много, – протянула она, – очень много...

– Как ты? – Он притронулся к ее стакану. – Со встречей...

– Как я? – отпив из стакана, вздохнула она. – Да ты видел... Живу, работаю вот... у этого, с позволения сказать, певца директором. Раньше-то он очень популярный был, но попивал все же частенько. Ну, пока молодой, еще ничего. Проспится, морду наштукатурят ему – и вперед! Но годы-то идут, труднее стало себя в порядок после пьянок приводить. То есть это я его каждый раз в чувство привожу, а это, доложу тебе, занятие не из приятных. Но работа есть работа... Я-то свою работу выполняю, а он... Еще у него проблема: ве-

дуются на него только молоденькие девчонки, фанатки, в общем. Он в молодости-то хорош был...

– Да неужели? – не выдержал Георгий, вспомнив длинные сальные волосы, опухшее лицо и безумные от залитого спиртного глаза ее работодателя.

– Вот представь себе! – Альбина тут же поправилась: – То есть я-то и раньше понять не могла, что девчонки в нем находят, но они на концертах с ума сходили! А потом, как я ни стараюсь...

– Ты здорово с ним управляешься, – честно сказал Георгий.

– Да что мы все обо мне? – отмахнулась она. – Герка, ты уж прости, но выглядишь ты не очень... У тебя неприятности?

Вот и раньше она могла при встрече окинуть его взглядом и сразу сообразить, что с ним что-то не то.

Когда они подрались на школьном дворе с Витькой Белолобовым и скотина Витька ударил напоследок его по голове портфелем, в который загодя положил половину кирпича, у него потемнело в глазах, и земля стала стремительно приближаться. Витька испугался и убежал, а он полежал немного и пришел в себя. Никто его не видел, они с Витькой специально выбрали такой закуток за хозяйственным блоком, куда никто не ходил, кроме завхоза, а он тогда уехал за новыми партами. Что они не поделили? Уж не вспомнить теперь... Но когда он, отлежавшись на холодной земле, пришел в себя и появился на уроке, Алька первая заметила, что у него что-

то с глазами. Не обращая внимания на орущую училку, она схватила его и поволокла в медпункт. А там уж определили сотрясение мозга.

Было это... дай бог памяти... классе в третьем, а может, позже. И Алька еще приходила потом к нему под окошко в больницу. А больница была на другом конце города, так что ей приходилось после школы тащиться целый час на трамвае. Он вспомнил маленькую фигурку в смешной красной шапке с помпоном. И косички торчат двумя запятыми.

– Да я вот... – пробормотал он, – тоже живу, работаю... В строительной фирме...

Он поймал ее взгляд и понял, что она хочет спросить, есть ли у него семья. Но не спросит. Про это не спросит.

– Ты замужем? – Он поискал глазами кольцо на руке.

Его не было. Никаких колец не было – ни простых, ни с камнем. В ушах блестели сережки простенькие, и больше никаких украшений.

– Была... – Альбина отвернулась. – Была замужем. Да только при моей работе трудно с семьей... А ты женат, конечно...

– Да-да... – Внезапно у него так сильно задрожали руки, что виски в стакане едва не пролилось на стол.

– Ну-ну, – Альбина усмехнулась и осторожно взяла стакан из его рук, – вы поругались, оттого и сидишь здесь в одиночестве, завиваешь свое горе веревочкой?

– Все не так. – Он закрыл лицо руками.

– Совсем ушла? – продолжала Альбина. – Ну, она вернется. Такими мужиками, как ты, не бросаются.

– Не болтай глупости! – Он посмотрел сердито. – Что ты как соседка на лавочке...

– Давай рассказывай! – Она нисколько не обиделась.

– Ты не сможешь. Никто мне не поможет.

– Помогу! – твердо сказала она, и он вдруг уверился, что и правда Алька поможет. Ведь она всегда ему помогала.

Георгий отставил пустой стакан и рассказал подружке детства все в подробностях.

Лола подошла к окну. Окна их с Леной большой четырехкомнатной квартиры выходили во двор. Это было правильно – так гораздо тише, меньше пыли, двор у них был уютный и чистый. Но сегодня вид мокрых кустов сирени и облезлых качелей-каруселей Лолу ничуть не порадовал. Когда шел дождь – унылый, долгий, выматывающий душу, – настроение у Лолы падало до абсолютного нуля, она чувствовала себя одинокой и никому не нужной.

Лола родилась в большом и шумном южном городе у теплого Черного моря и унылую петербургскую погоду терпеть не могла. Не могла к ней привыкнуть и смириться, как смирилось большинство жителей нашего города.

– Только подумать – на дворе июнь! – вздохнула Лола. – Лето называется...

Лоле было невыносимо скучно, но она не дошла еще до

того, чтобы разговаривать сама с собой. В данном случае она обращалась к крошечному песику древней мексиканской породы чихуа-хуа, который валялся на кровати, прямо на итальянском шелковом покрывале цвета слегка увядшего шиповника.

Острым взглядом Лола отметила, что покрывало уже все в затыжках, да к тому же покрыто какими-то подозрительными разводами. Отдать в чистку? Да нет, надо менять... Но тогда уж придется заодно менять и занавески. И обои у нее в розоватых тонах, и туалетный столик розового испанского дерева. Обновить полностью спальню? Но мастера нанесут грязи в прихожую и обязательно что-нибудь разобьют и сломают. И дело непременно кончится ремонтом квартиры. Влезть в долгий, изматывающий, непрекращающийся ремонт? Нет, на такое у нее нет сил, это же форменная Голгофа!

– Дорогой, пожалуйста, поговори со мной, мне плохо! – воззвала Лола к собачке.

Песик на ее просьбу никак не отреагировал. Тогда Лола схватила его на руки и порывисто прижала к сердцу.

– Пуишечка, детка, только ты меня понимаешь!

Песик открыл один глаз и уставился на Лолу в полном удивлении. Если бы он действительно мог говорить, то сказал бы, чтобы Лола не маялась дурью и оставила собаку в покое. Все у них хорошо, ей просто скучно, так пускай найдет себе более достойное занятие, чем будить спящую собаку. Это, знаете ли, чревато!

И в подтверждение Пу И цапнул Лолу за палец. Не больно, но унинительно.

— Господи, до чего я дошла! — плачущим голосом воскликнула Лола. — Меня ненавидит собственная собака!

При этих словах она воздела руки к небу. Пу И тут же вывалился у нее из рук и на всякий случай отполз по кровати подальше. Все в доме знали, что когда Лола начинает представлять греческую трагедию, с ней лучше не связываться.

Кроме Пу И, в квартире проживали еще двое домашних любимцев: огромный, угольно-черный котище по имени Аскольд и попугай Перришон. Попугай был говорящим. И очень вредным. Во всяком случае, так утверждал пятый обитатель квартиры Леня Марков, известный в узких кругах как Маркиз.

Маркиз имел очень редкую по нынешним временам профессию — он был мошенником экстра-класса. Свои остроумные комбинации он разрабатывал сам, сам же их осуществлял, привлекая к делу немногочисленных проверенных помощников. Одной из них была Лола — актриса по профессии и по призванию, которую он встретил, к своему счастью, совершенно случайно и пристроил к делу, почувствовав в ней большой потенциал. Со временем Лола так привыкла к новому амплуа, что даже бросила театр, о чем не уставала чуть ли не каждый день напоминать своему компаньону. Иногда он отвечал ей, что театр она бросила вовсе не из-за него, а из-за собственной лени. Ей надоело вставать по утрам на ранние

репетиции. Кроме того, ей надоели зависть коллег и грязь в гримуборных.

Но делать такие уточнения Маркиз осмеливался не всегда. В обычном состоянии Лола была вполне себе неплохой девицей. В меру суетная, в меру легкомысленная, в меру взбалмошная, когда доходило до дела, Лола становилась послушной, исполнительницей и очень смелой. Кроме того, она замечательно умела перевоплощаться.

Но иногда на Лолу находило. И тогда с ней лучше было не связываться. По самому малюсенькому поводу она могла устроить огромный, отвратительный долгоиграющий скандал. Просто так, на пустом месте. Потому что ей скучно.

Уразумев, что сейчас именно такой случай, Пу И уполз от греха подальше и спрятался в подушки. Остальные обитатели квартиры пока не знали, что их ожидает. Впрочем, кот Лолу не очень боялся, он обладал большим чувством собственного достоинства, проще говоря – держался индифферентно.

Лола опустила руки и решила выйти на тропу войны. Своего компаньона она нашла у компьютера. Леня с увлечением бродил по Интернету, и Лола немедленно захотела оторвать его от этого приятного занятия, испортить настроение и довести до ручки, до греха или до белого каления – в общем, до чего получится.

– Сидишь? – спросила она, неслышно подкравшись сзади. – Развлекаешься? Нашел время!

От любого среднестатистического мужчины Леню Маркиза отличали быстрота реакции, ловкость рук и умение наблюдать. Когда-то давно он окончил цирковое училище и проработал несколько лет в цирке, пока не решил сменить профессию.

В данный момент Леня почувствовал появление Лолы, еще когда она была за дверью. А по ее походке и дыханию понял, что его боевая подруга нынче не в духе. И уж когда услышал ее голос, то вмиг сообразил, что сейчас грянет буря – на Лолку нашло. Самое умное в таких случаях было немедленно спастись бегством – убежать из квартиры и проболтаться где-нибудь до самого вечера. Пообедать со старым приятелем или позвонить знакомой девушке...

Но путь отступления был отрезан Лолой, так что Маркиз выбрал другую тактику. Главное, не дать себя спровоцировать, а посему лучше вообще с Лолкой не разговаривать. Поэтому он сделал вид, что не слышит вопроса, и скосил глаза в поисках кота. Так и есть, Аскольд давно уже сидел на шкафу и мерцал оттуда изумрудными глазами. Ясное дело – как японские лягушки, которые заранее чувствуют приближающееся землетрясение, кот понял, что будет скандал, и своевременно удалился. Бросил хозяина на произвол судьбы!

– Молчишь? – продолжала Лола. – В глаза не смотришь? Сказать-то нечего!

Леня только усмехнулся про себя – неужели Лолка думает поймать его на такой дешевый трюк?

– Господи! – В голосе Лолы слышался подлинный пафос, и Маркиз готов был поклясться, что она воздела руки к небу. – За что, за что мне все это? За какие грехи наказал ты меня, Господи?

«Хорошо излагает, – восхитился Маркиз, – все-таки у Лолки несомненный драматический талант».

Он хотел было повернуться и поаплодировать, но вовремя спохватился и сделал спину каменной.

– Ты знаешь, Господи, – продолжала Лола, – что я отдала этому человеку все – свою юность, свой талант, свою душу! Если бы он потребовал, я, ни секунды не сомневаясь, отдала бы ему свою жизнь! И что, что я получила взамен? Нет, конечно, я отдала это все ему бескорыстно, я не ждала от него никаких материальных благ, я не осмеливалась даже мечтать о его чувствах! Но хоть капельку уважения и нежности... за то, что я отдала ему все!

«Вот интересно, это из какой пьесы? – подумал Леня. – Неужели она импровизирует?»

– Но вместо этого он втоптал все мои дары в грязь! – продолжала Лола прежним тоном. – Он измучил меня, он выдавил меня как лимон! И отбросил ногой пустую шкурку! Он вытер об меня ноги, как будто я... коврик перед входной дверью! Он... он лишил меня всего! Он оставил меня нищей!

– Ну уж, – не выдержал Леня, – чего это я тебя лишил? И, между прочим, мы с тобой довольно неплохо зарабатываем, так что брось кричать о нищете!

– Ты? – Лола повернула голову и взглянула на своего компаньона как королева в изгнание. – Кто говорит о тебе? Какое отношение ты имеешь к моим словам?

– То есть как это? – растерялся Леня. – А кто тут еще есть, кроме меня? Коту, что ли, ты претензии предъявляешь?

Со шкафа раздалось презрительное фырканье – мол, меня не впутывайте, на меня где сядешь, там и слезешь.

– Господи, за что мне еще и это? – тяжело вздохнула Лола. – Мало мне горя, так еще этот тип... Ты, дорогой мой, совершенно ни при чем, – заговорила она с бесконечным терпением в голосе, – я в данный момент говорю не о тебе. Ты по сравнению с Ним – никто, совершеннейшее пустое место, ноль без палочки.

– Что-о? – возопил Маркиз, вскакивая со стула. – Да ты кого имеешь в виду?

– Моего Учителя, мою единственную любовь, моего первого мужчину! – Тут пафос в голосе Лолы достиг небывалых высот.

– Да кто это такой, ты можешь сказать? – взмолился заинтригованный Леня. – Имя назови!

Тут Лола немного замешкалась, потому что понятия не имела, о ком говорит. Она неслась на волнах вдохновения, предпочитая не уточнять конкретные детали. Но быстро нашлась, не зря тот же Маркиз хвалил ее за ум и сообразительность.

– Имя его тебе ничего не скажет, а фамилия слишком из-

вестна, чтобы называть ее всеу.

— Но все же... — Леня ловко обошел свою подругу и встал так, чтобы она не смогла улизнуть, — кто это такой?

— Да какая тебе разница? — отмахнулась Лола. — Ты никогда не интересовался моей жизнью!

— А все же...

— Ну... это Серебрянский... — ляпнула Лола.

— Кто-кто?

— Серебрянский, Иван Николаевич, — твердо сказала Лола, не забыв добавить в голос изрядную толику горечи. Она знала, что если уж врешь, то нужно быть как можно тверже и стоять до конца.

— В жизни не слышал о таком! — Маркиз пожал плечами. — Ты никогда о нем не говорила.

— Вот в этом ты весь! — завопила Лола ему в спину. — Ты никогда не интересовался моей жизнью! Ты никогда не пытался заглянуть в мою душу! А там, к твоему сведению...

Тут Леня понял, что и на этот раз поддался на провокацию и позволил Лолке втянуть себя в скандал.

— У тебя нет души, — сказал он спокойно, понимая, что спустить дело на тормозах не удастся, — ты сама только что сказала, что твою душу похитил этот Серебрянкин. И еще молодость, красоту, талант и вообще выжал тебя как лимон. И отбросил шкурку. А я подобрал ее. О чем горько сожалею иногда.

Последние слова были лишними, но Леня элементарно

разозлился. В основном на себя, за то, что позволил Лолке провести себя как последнего лоха. Ну чего ей еще надо, скажите на милость? Мается баба дурью от безделья.

«Коли баба в раж войдет, то ничем не помочь, только вожжами отходить», – говаривала, помнится, Ленина бабушка.

Леня остро пожалел, что у него в хозяйстве нет такого полезного в отношениях с женщинами предмета, как вожжи.

Услышав его слова, Лола круто развернулась на пятках и смотрела теперь на своего компаньона с самой настоящей ненавистью. Глаза ее сверкали, волосы растрепались, руки тянулись к нему.

– Ты... – выговорила она трясущимися губами, – ты мне за все ответишь...

Она здорово себя завела, и дело дошло бы до драки, если бы не раздался телефонный звонок.

– Иди, ответь! – рявкнул Леня. – Это тебя!

И отвернулся, показывая, что инцидент исчерпан.

Лола громко сглотнула и потащилась к телефону. Маркиз был, несомненно, прав, если звонили ему, то на мобильный, а по стационарному телефону обычно домогались Лолу из салонов красоты и модных магазинов.

Лола шла на звук и долго искала трубку сначала под диваном в гостиной, потом под вешалкой в прихожей. И нашла ее на кухне за плитой, подумав, что тут не обошлось без Пу И. Кот такими мелкими пакостями не занимался.

– Слушаю! – не слишком любезно крикнула она в трубку.

– Гм... добрый день! – раздался женский голос. – Это квартира Леонида Маркова?

Как уже говорилось, Лола сегодня с утра встала не с той ноги и была сильно на взводе. И развитию полноценного скандала помешала вот эта самая женщина, которая интересовалась сейчас ее компаньоном. Лола была так зла, что с логикой у нее не ладилось. По здравому размышлению она бы сообразила, что в звонке незнакомой женщины нет ничего особенного и, уж во всяком случае, ничего криминального. Человек звонит по делу, вежливо спрашивает, предварительно поздоровавшись. И следует ответить ему в таком же духе.

Но в Лолиной голове вдруг появилась странная мысль, что женщина эта – не кто иная, как Ленкина последняя девка.

В свое время они с компаньоном договорились, что у них только деловые отношения, в которых нет места сексу, да и вообще нежным чувствам. Что ж, не больно-то и хотелось, подумала тогда Лола. Но тем не менее жутко ревновала своего ветреного компаньона ко всем продавщицам небольших магазинов, сестричкам из участковой поликлиники, стюардессам внутренних авиалиний, секретаршам крошечных фирмочек и так далее. Все эти девушки любили Леню. А он любил их всех, никому не отдавая особенного предпочтения.

В голове у Лолы мгновенно включился маленький портативный компьютер, и мысли ее приняли нужное направ-

ление. Во-первых, девицы звонят Ленке только на мобильный, им строго-настрого запрещено звонить в квартиру. Да они и номера не знают!

Во-вторых, голос в трубке не сказать чтобы девичий. Скорее он принадлежит женщине постарше. За тридцать, а может, и тридцать пять... Эти хрипловатые нотки, и налет усталости, и неуловимый оттенок житейской умудренности...

Лола прекрасно разбиралась в голосах, в интонациях, диалектах и тембрах. Ведь она была актрисой и прослушала в свое время соответствующий курс лекций. А сценическую речь вела у них старая актриса. Когда-то давно у нее был изумительный тембр, она умела модулировать голос и признавалась, что уже в возрасте, когда перестала сниматься в кино, всегда имела кусок хлеба, озвучивая фильмы. Преподавательница очень хвалила Лолу, говорила, что у нее большие возможности в смысле голоса.

Сейчас Лола без труда определила, что голос в трубке звучит несколько неуверенно, как будто женщина сама еще не решила, нужен ей Леня или нет. Но выводы из своих наблюдений Лола сделала совершенно неправильные. Все ясно, сказала она себе, Ленку домогается какая-то интеллигентная дама.

Была у ее компаньона странная слабость – нравились ему интеллигентные одинокие дамы прилично за тридцать, преподавательницы высших учебных заведений, кандидаты всевозможных наук, сотрудницы музеев и районных библиотек.

Причем очень приветствовалась диссертация, и была даже в его коллекции одна женщина – доктор физико-математических наук.

Одна из этих научных швабр вполне могла бы звонить домой. Вроде бы по работе, а на самом деле...

– Так это квартира Маркова? – напомнил о себе женский голос.

– В некотором роде, – процедила Лола. – Он здесь тоже проживает.

– А могу я попросить его к телефону? – Женщина проявила настойчивость.

Лола хотела заявить нахалке, что господин Марков подойти не может, он моется в ванне или уехал в командировку на полгода на Таймыр. Или в пустыню Сахару. Но побоялась. Вдруг и правда тетка по делу? В таких случаях Леня бывал строг.

– Попросить можете, – сказала Лола, – но...

– Будьте любезны! – перебила ее женщина.

– Суслик, это тебя! – певуче крикнула Лола, так, чтобы было слышно в трубку. – Наверное, из жилконторы! По поводу задолженности по квартплате!

Явился Леня и взял у нее из рук трубку, не глядя на Лолу.

Он послушал, нахмутив брови, и Лола, собравшаяся уже уйти в спальню, чтобы плюхнуться там на кровать и предаться глубокой скорби, оглянулась мимоходом и заметила, что лицо ее компаньона стремительно светлеет. Разгла-

дились брови, губы тронула легкая улыбка, от глаз разбежались мелкие морщинки. Хотя и была нынче Лола в раздерганных чувствах, все же хватило у нее ума сообразить, что дело тут не любовное. Если бы звонила какая-нибудь Ленкина престарелая пассия, он бы воровато отводил глаза и говорил преувеличенно бодрым голосом – опасался Лолиного гнева.

В данный момент он никого не опасался, он просто радовался, услышав голос женщины. Старая знакомая, значит...

Леня прикрыл трубку рукой и сделал страшные глаза.

– Что ты стоишь над душой? – прошипел он. – Дай спокойно с человеком поговорить...

– Да кто тебе мешает-то! – Лола пожала плечами как можно равнодушнее. – Иди в свою комнату и говори хоть до вечера!

Маркиз дернул плечом, развернулся на пятках и ушел, бормоча в трубку о том, что он рад слышать и вспоминал часто, да вот все недосуг позвонить...

Едва дождавшись, когда захлопнется дверь его комнаты, Лола сбросила тапочки и босиком помчалась в конец коридора.

У них в квартире было четыре комнаты – две спальни и общая гостиная. Четвертая комната планировалась как игровая для зверей. Стояла там дорогушая швейцарская когтеточка, мягкий домик для Пу И, расписанный под настоящую дворовую будку, и большой ящик игрушек. Но звери

почему-то предпочитали находиться где угодно, только не в игровой. Кот точил когти об антикварную мебель, попугай сладостно плевался семечками на эксклюзивную испанскую плитку, Пу И вообще спал только у Лолы на кровати. Потихоньку Лола стала запихивать в эту комнату все, что не нужно, а выбросить жалко. Маркиз вообще туда никогда не ходил.

Лола пробралась между завалами, наступила на прокушенный мячик, отбросила ненужную когтеточку и откопала в углу старый стационарный телефонный аппарат. Имелась в комнате и розетка. Лола осторожно подняла трубку и услышала голос своего компаньона:

– Алька, как же я рад тебя слышать! Сто лет не виделись, а как ты меня нашла?

– А через Руо, конечно! – рассмеялась женщина. – Я ведь с ним встречаюсь изредка по работе.

Артур Альбертович Руо был знаменитый некогда иллюзионист, имя его гремело не только на всю страну, но и на весь мир. Леня считал Руо своим учителем и поддерживал с ним связь, хоть и давно уже забросил ремесло циркового артиста. Старик был в курсе Лениных нынешних занятий и подбрасывал ему иногда кое-какие увлекательные загадки, а также изредка рекомендовал клиентов.

– Жаль... – вздохнул Маркиз, – жаль, Альбина, что ничего у нас не выйдет...

– Ты это о чем? – встревожилась женщина.

– О том, что Артур Альбертович дал бы тебе специальный номер телефона, для заказчиков, – твердо ответил Маркиз, – а ты звонишь по обычному, стало быть, с Руо ты не встречалась. Так что всего хорошего, Альбина, рад был тебя услышать.

Прижимая к щеке трубку, Лола бурно возликовала – так и надо противной бабе!

– Подожди, Ленька! – торопливо заговорила та. – Ради нашей старой дружбы выслушай меня внимательно! Мне очень нужна твоя помощь! Только ты можешь справиться с таким непонятным делом! А этот старый осел Руо вздумал проявлять бдительность – он, видите ли, не может посылать к тебе сомнительных, непроверенных людей! Он, дескать, пару раз уже нарвался...

– Точно, – голос Маркиза стал мягче.

Лола рассердилась, уразумев, что неизвестная баба просто льстит Леньке, а он и повелся. В раздражении она дернулась и задела ногой клетку для попугая, которую она купила как-то на распродаже в помутнении рассудка. Клетка была сделана в виде буддийской пагоды, по краям висели бубенчики. Попугай до смерти испугался звона и отказался даже войти в клетку. И вот сейчас в комнате раздался мелодичный звон. Лола испугалась да так и застыла с поднятой ногой.

Вроде бы обошлось, эти двое ничего не услышали. Они продолжали разговор.

– Понимаешь, какое дело... – неуверенно говорила Аль-

бина, – я встретила одного человека. В общем, мы так давно не виделись, что я уже забыла про него...

«Врет, – тотчас поняла Лола, – ничего она не забыла. Она в него влюблена была всю жизнь. И теперь хочет Леньку втянуть в какое-то подозрительное предприятие».

– Леня, мы были знакомы... сто лет назад! Я ему верю!

– Да с чего ты взяла, что я тут нужен? Помогла бы сама ему, если так о нем беспокоишься!

Маркиз отпихивался от сомнительного заказа, но, на взгляд Лолы, слишком вяло.

– Потому что я многое про тебя знаю! – наседала Альбина. – Слухом, Ленечка, земля полнится. Вполне подходящее это для тебя дело. Как говорится, по твоему профилю. Уж извини, что напрямую обращаюсь. Ты только поговори с ним! Ради нашего старинного знакомства, а? Неужели тебе трудно просто поговорить? Понимаешь, я имела неосторожность дать ему надежду...

«Врет, – снова уверилась Лола, – она хочет ему помочь, потому что он ей небезразличен! Все для него сделает! Как говорится, для милого дружка хоть сережку из ушка! Только Ленька-то тут при чем?»

– Да что там за дело? – Леня явно склонялся к согласию.

– У него, понимаешь, какая-то петрушка с женой вышла...

– Что-о? Я ни за женами, ни за мужьями не слежу! Это мое твердое правило!

– Да там сложнее... Она пропала. Или он так думает. В общем, Ленечка, сделай божескую милость, разберись!

«Ну надо же, как уговаривает! – поразились Лола. – Видно, крепко ее зацепило! Ой, не надо Леньке в это дело ввязываться, чует мое сердце, ни к чему хорошему это не приведет!»

В волнении она отвлеклась от разговора и пропустила момент прощания. В трубке раздались гудки. И до чего, интересно, эти двое договорились?

Лола в задумчивости вышла из игровой комнаты и была тут же поймана Маркизом.

– Подслушиваешь? – вроде бы ласково проговорил он. – Подсматриваешь? Шпионишь?

– Что значит – шпионишь? – возмутилась Лола. – У нас с тобой все дела общие! И я тебе прямо заявляю...

– Были! – прервал ее компаньон. – Были общие! А этим делом я займусь один, поняла?

– С чего это вдруг? – удивилась Лола.

– С того, что ты меня достала своими капризами и скандалами! – заорал он. – С того, что я не выношу, когда меня контролируют, как лабораторную крысу!

– Ленечка, ты ничего не перепутал? В лабораториях обычно не крысы, а мыши, такие маленькие, беленькие, с хвостиком, и их не контролируют! На них ставят опыты!

Ох, не зря говорят, что язык мой – главный враг мой, ох, не зря! Машинально выпалив про мышей, Лола уже знала,

что совершает ошибку, но не могла остановиться.

– Пошла ты со своими мышами! – рыкнул Маркиз и ушел в свою комнату.

Лола побежала за ним, но дверь была заперта.

– Леня, не связывайся с этой теткой! – крикнула Лола. – Вот чувствую я, что это дело с душком! Носом чую!

– А ты не суй свой нос, куда не надо! – Маркиз стоял на пороге полностью одетый. – И вообще – дай пройти, я то-роплюсь!

– Куда ты? – упавшим голосом спросила Лола.

– По делу! – сухо ответил Маркиз. – Обедать не буду. Пока.

И ушел. А Лола осталась стоять посреди прихожей рас-трепанная, в мятом халате. Все это она увидела в большом зеркале и еще больше расстроилась.

Вот с чего она нынче завелась? Да ни с чего, на пустом месте. Захотела довести Леньку до ручки. Просто так, от скуки. И что? Да ничего, довести-то она его довела, но настоящего скандала не получилось. А без скандала неинтересно.

У Лолы в душе остался неприятный осадок. Уж больно зло поглядел на нее Маркиз на прощание. Чего доброго, он и правда решит, что справится без Лолы, и найдет себе другую помощницу. А ей укажет на дверь.

Ну и ладно, тут же подумала Лола, может, и правда пора расставаться. С голоду она не умрет, Ленька прав, они очень даже неплохо зарабатывали вместе.

Да, но чем она будет заниматься? Вести жизнь богатой обеспеченной дамы? Она умрет со скуки через неделю.

Снова поступить в театр? Ее не возьмут на главные роли, потому что поезд уже ушел, ее забыли и режиссеры, и публика. Бегать по сцене на подхвате? Нет, это не для нее.

Замуж выйти? Может, и неплохо было бы, но где взять приличного мужа? Чтобы не стыдно было вывести его в люди и чтобы Ленька, когда узнает, пожалел бы о том, что они расстались.

– Мур-рм... – слышалось снизу, и босой ноги коснулось что-то мягкое и пушистое. Это кот Аскольд спустился со шкафа. Кот нечасто баловал ее своей лаской, и сейчас Лола наклонилась, чтобы погладить его. И прочитала в изумрудных глазах, что все это глупости, что никуда она от Маркиза не уйдет, что они неплохо ладят друг с другом и успели уже обрести тремя домашними любимцами. И что кот, конечно, останется с Леней, но по Лоле будет очень скучать. А как быть с попугаем? Его-то куда?

– Ты прав, Аскольдик. – Лола поднатужилась и взяла тяжелого котищу на руки. – Никуда я не денусь.

«А тогда нечего и скандалить попусту», – укоризненно просемафорил кот.

Леня вошел в просторный зал ресторана, полупустой в этот час.

Потенциального клиента он заметил сразу, узнав его по

озабоченному лицу и беспокойному, затравленному взгляду. А также по тому, что только он сидел за столиком в гордом одиночестве, явно кого-то ожидая.

Это был крупный широкоплечий мужчина с тяжелым квадратным подбородком и густыми темными волосами, плотной шапкой покрывающими голову.

Леня пересек зал, подошел к столу и проговорил с жизне-радостной интонацией:

– Насколько я понимаю, вы ждете меня. Я Леонид...

– Альбина о вас очень хорошо отзывалась, – ответил мужчина и представился: – Георгий Бакланов.

Прежде чем начать разговор, Леня внимательно пригляделся к клиенту, зная, что первое впечатление бывает самым верным.

Бакланов выглядел человеком решительным, мужественным и деловым, но в данный момент его крепкая оболочка явно дала трещину. Волевое лицо казалось каким-то оплывшим и растерянным, в глазах сквозили неуверенность и страх.

– Итак, – начал Маркиз, – Альбина сказала мне, что у вас какие-то проблемы с женой. Однако сразу вам скажу – я не занимаюсь слежкой за неверными супругами...

– Это совсем не тот случай! – перебил его Георгий. – Дело не в неверности или в подозрениях! Дело в том, что моя жена – это вовсе не моя жена!

– Вот как... – протянул Маркиз, невольно отодвинувшись

от Бакланова. – Не могли бы вы выразиться яснее?

– Если бы я сам все ясно понимал! – вздохнул Георгий. – Тогда я не стал бы к вам обращаться!

– Но все-таки, что конкретно с вами случилось?

– Это так странно... боюсь, вы не поверите мне и не захотите браться за мое дело.

Леня демонстративно взглянул на часы:

– Тем не менее я к вам пришел, и давайте не будем зря тратить время. Мы с вами оба – люди занятые...

– Да, конечно! – Георгий вздохнул и начал, как будто бросился в холодную воду: – Все началось несколько дней назад, как и сейчас, в ресторане... мы с женой пришли отметить годовщину нашей свадьбы...

Следующие несколько минут Леня сидел, внимательно слушая своего собеседника. По ходу рассказа Георгия настроение у него все больше портилось.

«Ох уж эта Альбина! – думал он. – Подсуропила мне явного психа! Ему не детектив нужен, а квалифицированный психиатр! В крайнем случае – невропатолог!»

– Я вижу, что вы мне не верите, – проговорил Георгий, закончив свой рассказ.

– Ну, не то чтобы не верю, – замялся Маркиз, – просто ваш случай не совсем по моему профилю... честно говоря, не знаю, чем могу вам помочь. Мне кажется, что вам нужен другой специалист...

– Не верите! – вздохнул Георгий. – Думаете, что я свих-

нулся! Честно говоря, я и сам так думал. Особенно когда увидел паспорт Лены с фотографией *этой женщины* и еще тот снимок, где мы в Венесуэле в день свадьбы... я уже собирался обратиться к психиатру...

«И очень правильно поступил бы!» – подумал Маркиз, но постарался, чтобы на его лице ничего не проступило.

– Я уже собирался обратиться к психиатру, – повторил Георгий, – но тут мне подвернулся медицинский центр, где делают экспресс-анализы. И я отдал им для анализа ту таблетку, которую моя фальшивая жена дала мне якобы от головной боли...

– И что же показал анализ? – заинтересовался Маркиз.

По тону собеседника он почувствовал, что в его истории появится что-то определенное.

– Вот, посмотрите сами! – Георгий положил перед ним листок, который ему выдали в центре «Здоровье и долголетие».

– Диоксид барбитуровой кислоты... – прочел Леня и поднял взгляд на Георгия: – Если не ошибаюсь, это сильнодействующее вещество, угнетающее психику...

– Совершенно верно. Это средство вначале действует как снотворное, но при продолжительном приеме оно делает пациента вялым, пассивным, подавленным, лишает его воли и подчиняет постороннему внушению. Не думайте, что я так хорошо разбираюсь в фармакологии – все это мне сообщили в медицинском центре.

– Ужас какой! – Леня передернул плечами. – Хорошо, что вы это не приняли!

– Боюсь, что, по крайней мере, одну дозу я принял, – признался Георгий. – У кофе, которым меня утром напоила *эта женщина*, был очень странный привкус. Правда, в медицинском центре мне посоветовали принимать лекарство, которое смягчает действие барбитуратов. Я начал его принимать и сразу почувствовал себя лучше.

– Ну, во всяком случае, в дальнейшем постарайтесь не пить и не есть ничего сомнительного. По крайней мере, до тех пор, пока мы не закончим расследование...

– Значит, вы беретесь за мое дело? – оживился Георгий.

– Не могу же я оставить вас в таком ужасном положении! – ответил Маркиз, снова взглянув на результат анализа. – Я обещал Альбине. А это моя очень старая приятельница. Мы знакомы... сколько же? Наверное, скоро уже лет двадцать будет... вместе в цирковом училище начинали. Но это к делу не относится.

– Да, конечно.

– Но позвольте все же поинтересоваться, – нерешительно начал Леня, – если вы утверждаете, что вам подменили жену, то на что они, эти неизвестные злоумышленники, рассчитывали? Ведь, кроме вас, есть еще люди, которые ее знают...

– В том-то и дело! – горячо заговорил Бакланов. – Мы переехали в новую квартиру четыре месяца назад. Дом новый, все соседи друг друга мало знают. Жена ни с кем близко не

общалась, я тоже не люблю малознакомых людей в доме. Изредка столкнешься на площадке, поздороваешься, да и пойдешь мимо.

– Друзья? – спросил Маркиз. – Родственники?

– Моя мать умерла до того, как я уехал в Венесуэлу, братьев-сестер не было...

После небольшой паузы Леня достал блокнот и снова обратился к Георгию:

– Итак, расскажите мне все, что вы знаете о своей жене. О своей настоящей жене.

– Сейчас. – Георгий радостно потер руки, придвинулся поближе к столу и начал: – Елена... она такая... она необыкновенная!

Произнеся это короткое заявление, он вдруг замолчал и удивленно захлопал глазами.

– Конечно, такой энтузиазм через год после свадьбы делает вам честь, – проговорил Маркиз, не дождавшись продолжения. – Но, согласитесь, что для расследования того, что она необыкновенная, маловато. Это... гм... трудно считать особой приметой.

– Да, конечно, – забормотал Георгий. – Но я вдруг осознал, что почти ничего о ней не знаю...

– Как же так? – удивился Маркиз. – Ведь вы прожили с ней целый год и до того были знакомы некоторое время?..

– Да, я понимаю, что это звучит довольно странно, – признался Георгий, – но это так... как-то всегда получалось, что

если я заводил с Леной разговор о ее прошлом, она смеялась и говорила, что ее жизнь началась в тот день, когда она познакомилась со мной. А все, что было до того, как бы не считается...

– Но хоть что-то вы о ней знаете? Знаете хотя бы ее прежнюю фамилию?

– Ну, разумеется! Ее прежняя фамилия – Коростелева, Елена Дмитриевна Коростелева. В Венесуэле она работала в отделении фирмы «Макситрейд», поставлявшей туда из России оборудование для нефтяных разработок...

– А кем она там работала? – спросил Маркиз, записав в блокнот название фирмы.

– Переводчиком! – оживился Георгий, радуясь, что может хоть что-то сообщить.

– Ага, переводчиком! – обрадовался, в свою очередь, Маркиз. – Значит, она как минимум знала испанский язык!

Георгий неожиданно помрачнел и неодобрительно взглянул на Маркиза:

– Не говорите о ней так!

– Как – так? – удивленно переспросил Леня. – Вроде бы я не сказал ничего плохого...

– Вы говорите о ней в прошедшем времени! Вы говорите, что она *знала* испанский язык! Она его знает, знает! Я уверен, что Лена жива, и я хочу, чтобы вы ее нашли! Я знаю, что ваши услуги стоят дорого, но я хорошо зарабатываю, у меня есть деньги, и я заплачу вам сколько скажете – только

найдите мою жену!

– Я постараюсь, – заверил его Леня, – но ничего не могу гарантировать. Итак, давайте вернемся к теме. Мы выяснили, что ваша жена знает испанский язык. Следовательно, она должна была где-то его изучить. Итак, у нас есть две зацепки: фирма, в которой она работала, и язык, которому должна была научиться, и научиться на профессиональном уровне... – Леня снова поднял взгляд на Бакланова и проговорил: – Продолжим. Что вы знаете о ее родных? О родителях?

Георгий не торопился с ответом.

– Ну, она же должна была сообщить им о своем замужестве! И когда вы вернулись в Россию, она должна была познакомить вас с ними!

– Дело в том, что ее родители погибли, – нехотя произнес Георгий. – Ей было семнадцать лет, когда они попали в катастрофу. Отец ее был военным, служил в Приморье. И вот они летели куда-то вместе с матерью на вертолете... В общем, в той аварии погибли все. А никаких других родственников, насколько я знаю, у Лены не было.

– Хорошо. – Маркиз сделал еще одну пометку в своем блокноте. – То есть, конечно, нет ничего хорошего, что ее родители погибли. Продолжим. Когда вы вернулись из Венесуэлы?

– Примерно полгода назад. Стройка, в которой я участвовал, закончилась, и я вернулся в Петербург, приступил здесь к своим обычным обязанностям.

– А Лена?

– Лена, разумеется, вернулась вместе со мной. На работу она пока не устроилась. Мы купили новую квартиру, и она все это время занималась ее обустройством. Сами понимаете, на это уходит много времени и сил, а я зарабатываю достаточно хорошо, так что у Лены не было необходимости спешить с трудоустройством.

– Понятно... – Маркиз сделал еще одну пометку в блокноте. – А за то время, что вы провели в России, она не встречалась ни с кем из своих прежних знакомых?

– Нет, ни с кем...

– Ладно, значит, для начала у нас есть две зацепки – фирма «Макситрейд» и испанский язык...

– Вот еще что я вспомнил, – оживился Георгий. – Может быть, это вам поможет. Как-то мы с Леной проезжали по одной из улиц неподалеку от Литейного проспекта, и она мне сказала, показав на серое четырехэтажное здание, – вот школа, в которой я училась. Она сказала, что до пятнадцати лет жила в Петербурге, а потом отца перевели в Дальневосточный округ, и семья поехала вместе с ним.

– Недалеко от Литейного... – записал Маркиз. – Название улицы вы не помните?

– Нет, но там стоял памятник.

– Кому?

– Не знаю, – честно признался Бакланов. – Высокий мужчина в длинном пиджаке и в очках...

– Негусто, но лучше, чем ничего! Если в очках – это либо Чернышевский, либо Добролюбов... Ну ладно, хоть что-то вы мне сообщили. Итак, подведем итоги, – сказал Леня. – Вы утверждаете, что вам подменили жену. И ваша... гм... фальшивая жена пытается накормить вас наркотиками.

– Что значит – пытается? – возмутился Бакланов. – Она именно это и делает!

– У вас нет никаких предположений, зачем она это делает? – спросил Маркиз, не надеясь получить вразумительный ответ. – То есть в данном конкретном случае она хочет вас нейтрализовать. Чтобы вы не шумели, не скандалили, не бросались на нее и не звали на помощь. А тихо-спокойно спали. Кстати, вы на работу ходите?

– Нет, я в отпуске на неделю, мы с Леной хотели уехать... Коттедж сняли на заливе, в Окуновой бухте... Черт, забыл совсем...

– Так кому понадобилось наводить такую тень на плетень? – напомнил Маркиз. – Вы говорили, ваша фальшивая жена что-то искала в вашей квартире? Что?

– Понятия не имею, – Георгий не отводил глаз, – ценностей у нас никаких нет, деньги, что заработал в Венесуэле, все вложил в квартиру.

– Подумайте над этим, – сказал Леня, поднимаясь со стула, – выйдем не вместе. И не конфликтуйте вы с этой женщиной, делайте вид, что принимаете лекарство и спите.

– А если она меня отравит?

– Она давно бы это сделала, если бы вы ей не были для чего-то нужны! Засим пока, созвонимся!

* * *

Дома Леню встретила чистая и проветренная квартира, а также милая и приветливая Лола. Все семейство собралось на кухне, накормленные и вычесанные звери чинно сидели каждый на своем месте, Лола пила чай с бубликами.

– О, чаек! – Леня блеснул глазами и подсел к столу.

– Ты же из ресторана! – не утерпела Лола. – Тебя там что – не накормили?

– Ох, не говори! Клиент попался такой нервный – сам ничего не ест, и у меня кусок в горло не полез! – признался Маркиз, придвигая себе тарелку с бубликами.

Лола встала и налила ему чаю в большую кружку, на которой был изображен близкий родственник кота Аскольда, точная его копия. Леня этой кружкой очень дорожил. Маркиз положил в чай три ложки сахара, подумал и положил еще половинку. Затем аккуратно разрезал бублик, не разламывая, на два одинаковых кольца, намазал места разреза толстым слоем масла и положил сверху куски сыра, после чего сложил оба кольца так, чтобы получился целый бублик. Лола только вздохнула, наблюдая за такими манипуляциями.

– Лолка, давай мириться, а? – сказал он невнятно, потому что рот был занят бубликом. – Ты мне нужна... и вообще...

мы прекрасно работаем вместе.

Лола, которая пришла к такому же выводу, не стала спорить.

– Ты согласился на работу, – констатировала она, – ох, Леня, темное это дело!

– Да я и сам чувствую, – вздохнул он и рассказал своей боевой подруге суть.

– Ни фиги себе! – возмутилась Лола. – Так не бывает! Все врет этот мужик!

– Таблетка и правда в наличии, – напомнил Леня, – это меня убедило. В общем, мы так договорились. Нужно найти хоть какое-то подтверждение, что он не сошел с ума. То есть нужны фотографии его настоящей жены. Как только я их ему достану, он обретет твердую почву под ногами и сам уже решит, что делать, может, даже в полицию пойдет.

Тут Леня немного покривил душой, потому что на самом деле договорился расследовать странную историю до конца и помочь клиенту отыскать его настоящую жену. Если, разумеется, она существует.

Он допил чай и пошел к себе. И очень скоро выяснил номер испанской школы, о которой говорил клиент. Памятник оказался не Добролюбову и не Чернышевскому, а Чайковскому, только не великому композитору, а его однофамильцу, революционеру-народнику.

Решили ковать железо, пока горячо. Лола поработала над образом и появилась перед Ленией с высоко заколотыми во-

лосами и в очках. Костюмчик на ней был довольно дорогой, но подчеркнуто скромный, туфли на средних каблуках. Ле-
ня тоже решил не тянуть и идти в фирму «Макситрейд».

* * *

Лола подошла к дверям школы и хотела войти, но тут эти
двери распахнулись, навстречу Лоле, хохоча и громко пере-
говариваясь, выкатилась группа девчонок лет тринадцати в
одинаковых синих пиджачках и клетчатых юбочках. Едва не
свалив Лолу с ног, они пронеслись мимо нее и скрылись за
углом с таким шумом и топотом, как будто это была не стай-
ка школьниц, а стая диких обезьян.

Отряхнувшись после столкновения с юным поколением и
поправив прическу, Лола толкнула дверь и вошла внутрь.

Сразу за дверью она наткнулась на крупного мужчину с
выдающимся животом, обтянутым черным форменным ки-
телем.

– Свидетельство! – процедил он, с интересом оглядев Ло-
лину фигуру, выгодно подчеркнутую костюмчиком.

– Что? – переспросила Лола.

– Родительское свидетельство! – уточнил охранник.

– А это что такое? Свидетельство о рождении – знаю, а о
родительском свидетельстве слышу первый раз.

– Взрослая женщина, а таких простых вещей не знаешь!
Всем родителям, чьи дети ходят в нашу школу, директор вы-

дает родительские свидетельства, с фотографией и отпечатками пальцев, и по ним можно сюда входить, а без них – ни-ни! Я здесь для того стою, чтобы посторонних не допускать.

– У меня пока нет детей, – призналась Лола, кокетливо поправив волосы, – как говорится, все еще впереди.

– А тогда вам здесь нечего делать! – посуровел охранник.

– Ну, это еще как сказать! Мне вообще-то нужно с директором поговорить. По серьезному поводу.

– С директором? По серьезному? – Лицо охранника снова изменилось, он схватил переговорное устройство и проговорил в него: – Пабло Педрович, тут женщина пришла, хочет с директором поговорить. *Серьезная женщина, в пиджаке. По серьезному поводу.* Да-да... слушаюсь!

Отключив переговорник, он повернулся к Лоле и сообщил ей с заметным почтением:

– Сейчас к вам выйдут!

Лола приготовилась к длительному ожиданию, но не прошло и минуты, как в холле появился мужчина.

Мужчина этот был строен, черноволос и черноглаз. Его загорелое лицо украшали маленькие аккуратные усики, и двигался он так, как будто участвует в корриде и буквально через пять минут ему предстоит встреча с особенно крупным и свирепым быком. Лоле показалось даже, что в школьном холле заиграли марш тореадора из оперы Бизе «Кармен». Дотанцевав до Лолы, мужчина остановился перед ней в третьей позиции и проговорил:

– Уверяю вас, это больше не повторится!

– Что не повторится? – удивленно переспросила Лола.

– Вы ведь из районного суда?

– Нет, – честно призналась Лола. – Я из испанского консульства.

– А, так вы не из суда! – Лицо торeadора посветлело, как будто ему только что сообщили, что бык не явился и ему будет засчитана победа. – Значит, меня неверно проинформировали! – Он укоризненно покосился на охранника.

– А я что... – забубнил тот. – Я не знаю, откуда они... вижу, женщина серьезная, опять же в пиджаке...

– Понимаете, у нас с районным судом очень сложные отношения, – пояснил Пабло Педрович. – Старшекласники, они вообще очень любят пошутить...

– И что, у них такие шутки, что дело доходит до суда? – удивилась Лола.

– Да нет, просто суд находится очень близко к нашей школе...

И Пабло Педрович рассказал Лоле, в чем заключается суть конфликта.

В сквере перед зданием суда находится бронзовая статуя богини правосудия Фемиды. Эта богиня традиционно изображается с повязкой на глазах и с весами в руке, но, кроме того, она, как теперь выражаются, – топлес, то есть с обнаженной грудью. Формы древнегреческой богини сильно действовали на воображение старшекласников, и не реже чем

раз в месяц кто-нибудь из них забирался на постамент и покрывал бюст Фемиды краской из баллончика. Рассерженные работники суда прибегали в школу жаловаться, администрация школы обещала найти и наказать виновных, но старшеклассники держались дружно, своих не выдавали, и конфликт затихал примерно на месяц. Через месяц же все происходило снова, как по нотам, так что несчастный Пабло Педрович, администратор школы, раз в месяц переживал тяжелый стресс.

Лола заверила Пабло Педровича, что не имеет ни к суду вообще, ни к несчастной Фемиде в частности никакого отношения и пришла в школу с другой целью, по поручению испанского консульства.

– Дело в том... – сообщила она торжественно, – дело в том, что близкая родственница короля Испании Хуана Карлоса, принцесса Луиза Амалия, много сил и времени отдает различным культурным и образовательным программам. В частности, она издает несколько литературно-художественных журналов, а также время от времени проводит среди детей и молодежи различных стран конкурсы на знание испанской истории и литературы. И вот не так давно в одном из таких конкурсов победила работа ученицы школы номер сто сорок два с углубленным изучением испанского языка...

– Нашей школы?! – взволнованно воскликнул незадачливый тореадор.

– Именно! Потому меня и прислали к вам!

– Что вы говорите! – Пабло Педрович картинно схватился за сердце. – Нужно скорее сообщить об этом Кармен Хуановне, нашей директрисе! Она будет счастлива...

Лола вслед за администратором проследовала в кабинет. Директор школы Кармен Хуановна оказалась массивной, плотно сложенной женщиной с властным взглядом и отчетливо просматривающимися усиками. Узнав, что привело Лолу в их школу, она до крайности взволновалась.

– Скажите же скорее, кто та девочка, которая удостоилась столь высокой чести! – проговорила директриса, усадив Лолу на почетное место в своем кабинете. – Мы напишем ее имя золотыми буквами на доске почета школы!

Лола открыла сумочку, достала оттуда очень красиво отпечатанный листок и торжественно прочла:

– Лена Коростелева!

– Коростелева? – Директриса задумалась. – Что-то я не помню такой девочки. Впрочем, я не могу помнить всех учениц... сейчас я приглашу Долорес Родриговну, это наш завуч, она, несомненно, вспомнит эту девочку...

Через пять минут в кабинет вошла еще одна женщина, с черными, гладко уложенными волосами и грациозной походкой танцовщицы фламенко. Для полного сходства ей не хватало только пышной юбки и розы в волосах.

Директриса изложила ей ситуацию и спросила, в каком классе учится девочка Лена Коростелева.

– У нас такой нет! – уверенно ответила завуч.

– Как же так? – расстроилась директриса. – Выходит, это какая-то ошибка?

– Не знаю, ошибка или не ошибка, но у нас нет девочки по фамилии Коростелева! – настаивала на своем завуч.

– Вы знаете, в чем может быть дело, – вступила в разговор Лола. – В Испании люди очень неторопливы, они вообще никогда не спешат, а тем более все эти конкурсы, состязания проходят так медленно, с таким количеством бюрократических проволочек, что, возможно, Лена Коростелева уже окончила вашу школу. Может быть, нужно поискать ее в списке выпускников...

– В списке выпускников? – Долорес Родриговна сосредоточенно наморщила лоб. – За последние пять лет, которые я работаю завучем, такой выпускницы у нас не было. А тех, кто окончил нашу школу раньше, я, к сожалению, не знаю...

– Но, наверное, можно посмотреть в архиве? – проговорила Лола с самым простодушным видом.

– В архиве? – Директор с завучем переглянулись. – Дело в том, что несколько недель назад у нас в школе произошло ЧП... очень странное ЧП... кто-то ночью пробрался в школу, проник в помещение школьной канцелярии и сжег там папки с архивами... в том числе списки выпускников... наверное, это нахулиганил кто-то из старшеклассников, вы знаете, в этом возрасте подростки становятся такими неуправляемыми, и у них такое странное чувство юмора...

– Конечно, все данные за последние пять лет, с тех пор,

как я работаю завучем, сохранились, – поспешила добавить Долорес Родриговна, – потому что я, идя в ногу со временем, провела полную компьютеризацию архива. Но данные за предыдущие годы еще не были перенесены на электронный носитель, и их, к сожалению, не удастся восстановить...

– Какая жалость! – искренне огорчилась Лола. – Значит, победитель конкурса не получит награду! Принцесса Луиза Амалия будет крайне разочарована...

– Мы не можем этого допустить! – проговорила директриса. – Мы ни в коем случае не можем разочаровать принцессу! Но что же делать... Если только...

– Если только... – подхватила завуч.

– Возможно, эту девочку помнит Анна Васильевна.

– Кто это – Анна Васильевна? – спросила Лола, с удивлением услышав, что не у всех сотрудников этой школы исключительно испанские имена и отчества.

– Анна Васильевна – библиотекарь! – сообщила завуч с явным неудовольствием. – Она работник старого образца, не идет в ногу со временем, до сих пор не может компьютеризировать библиотеку. Можете себе представить – она даже формуляры и читательские билеты выписывает от руки, как в каменном веке!

– Но зато она помнит всех выпускников школы за последние сорок лет! – с гордостью закончила директриса.

– Ну, значит, с ней мне обязательно нужно поговорить! – обрадовалась Лола.

Анна Васильевна оказалась худенькой старушкой с аккуратно уложенными седыми волосами, в старомодных очках с удивительно толстыми стеклами. Когда Лола вошла в библиотеку, она строго отчитывала толстого курного пятиклассника с оттопыренными розовыми ушами:

– Как тебе не стыдно, Семиухов! Как у тебя рука поднялась на Дон Кихота? Он пятьсот лет служил положительным примером тысячам твоих сверстников, пятьсот лет учил их разумному, доброму и вечному, и до сих пор никто из них не опускался до того, чтобы пририсовать ему ослиные уши! И только ты, Семиухов... стыдись!

Пятиклассник шумно пыхтел и разглядывал потолок.

– Ты осознал, Семиухов? – строго спросила его старушка.

– Осознал, осознал! – нехотя ответил Семиухов. – Можно мне уже идти?

– А по-моему, ты еще не осознал! Понимаешь ли ты, кто такой Дон Кихот?

– Кретин! – выпалил Семиухов и вылетел из библиотеки.

– Боже мой! – Старушка схватилась за сердце. – Ты слышала, девочка? Ты слышала, что он сказал?

– Я вообще-то... – начала Лола, но Анна Васильевна не дала ей договорить. Поправив очки, она пристально взглянула на нее и осведомилась:

– Ты, наверное, из 10-Б? Пришла за книжками по программе внеклассного чтения? Что же ты так поздно? Сервантеса уже всего разобрали...

– Конечно, мне это очень лестно, но я уже давно окончила школу, – призналась Лола. – Меня прислала к вам Кармен Хуановна.

– Ах, она... – Библиотекарь помрачнела. – То-то я смотрю – лицо незнакомое, а я в школе вроде бы всех знаю... так по какому вы вопросу? Вы, наверное, из библиотечного коллектора? Я давно хотела с вами поговорить по поводу увеличения книжных фондов...

– Нет, я из испанского консульства! – выдала ей Лола свою домашнюю заготовку.

– Из консульства? – Старушка приосанилась и на всякий случай протерла очки. – И что же вам понадобилось от моей скромной персоны?

– Я разыскиваю одну вашу выпускницу, она победила в заочном конкурсе сочинений об испанской культуре...

– А при чем же здесь я?

– Дело в том, что, как мне сообщили, школьный архив несколько дней назад сгорел, по-видимому, его из хулиганских соображений сожгли старшеклассники...

– Вот к чему приводит попустительство мелким проступкам! – перебила Лолу библиотекарь. – Сначала они пририсовывают ослиные уши Дон Кихоту, а потом устраивают поджог! Тот, кто с уважением относится к книгам, никогда бы такого не сделал!

– Да, так вот, – продолжила Лола. – Архив сгорел, и вместе с ним сгорел полный список выпускников, а завуч, Долорес

Родриговна, помнит только тех, кто окончил школу за последние пять лет. Вот они с Кармен Хуановной и посоветовали мне обратиться к вам, потому что вы работаете в школе очень давно и можете вспомнить ту девочку...

– И как же ее зовут? – спросила библиотекарь.

– Когда она училась в школе, ее звали Лена Коростелева, но потом она вышла замуж и поменяла фамилию...

– Лена Коростелева? – Библиотекарь покачала головой. – Очень странно! Вот бы никогда не подумала!

– Не подумали чего? – заинтересовалась Лола.

– Не подумала бы, что Лена Коростелева могла выиграть конкурс на знание испанской культуры! Да и какой-то другой конкурс...

– А что – она плохо училась?

– Ну, не то чтобы совсем плохо, – вздохнула старушка, – но учеба ее не слишком интересовала...

– А как давно она окончила вашу школу? – спросила Лола на всякий случай.

– Во-первых, она ее не окончила, – уточнила Анна Васильевна. – А во-вторых...

– Как не окончила? – удивленно переспросила Лола.

– Она ушла после восьмого класса. Кажется, ее родители переехали на Дальний Восток. Это было примерно пятнадцать лет назад...

– И вы так хорошо ее помните?

– Вы сомневаетесь в моей памяти? – Анна Васильевна до-

стала из своего рабочего стола толстый альбом для фотографий, долго листала его и наконец показала Лоле страницу, на которой был снимок двух девочек лет тринадцати. Девочки стояли на школьной сцене в пышных юбках, у одной из них был цветок в волосах, у другой – большой бант, видимо, они собирались исполнять какой-то испанский танец.

– Видите, я ничего не перепутала, – гордо сообщила Анна Васильевна, показав подпись под фотографией, – это «день Испании» девяносто пятого года, на сцене – Лена Коростелева и ее лучшая подруга Настя Кривошеина... так что, как я и говорила, она училась в нашей школе больше пятнадцати лет назад...

В это время дверь библиотеки открылась, и на пороге появилась девочка в школьной форме.

– Анна Васильевна! – затараторила она. – Медуза Горгоновна велела мне срочно прочитать «Кошку на соломе»... тьфу, «Собаку на сене». У вас есть?

– Куропаткина, ты видишь, что я занята? – строго оборвала ученицу библиотекарь. – Ты эту книгу должна была прочитать еще на зимних каникулах, а спохватилась только сейчас!

– Ну, Анна Васильевна... – заныла девчонка. – Она мне двойку поставит... ну пожалуйста...

– И правильно сделает! Ладно, Куропаткина, подожди в коридоре, пока я закончу разговор, а там я посмотрю, может быть, найду для тебя экземпляр!

Пока Анна Васильевна разбиралась с нерадивой Куропаткиной, Лола не теряла времени даром: она незаметно вытащила из фотоальбома снимок Лены Коростелевой с подружкой и спрятала его в свою сумочку. Альбом она захлопнула, чтобы библиотекарь не заметила пропажи.

Как только старушка вернулась к прерванному разговору, Лола с самым невинным видом продолжила:

– Вы сказали, что Ленины родители переехали на Дальний Восток после того, как она окончила восьмой класс. А после этого у вас не было от нее никаких известий?

– Никаких! – подтвердила старушка, поджав губы. – Другие девочки много лет после окончания писали или звонили в школу, а от нее не было ни одной весточки.

– Как же быть? – пригорюнилась Лола. – Как же мне найти ее? Понимаете, очень обидно, что она не получит приз за свое сочинение, но, честно говоря, еще больше меня огорчает, что я не справлюсь с поручением. Видите ли, я совсем недавно работаю в испанском консульстве и еще не успела себя зарекомендовать.

– Не знаю, чем могу вам помочь, – проговорила Анна Васильевна. – У меня нет о ней больше никаких сведений. Другие выпускницы, по какой-то причине переехавшие в другой город или даже другую страну, часто пишут в школу, рассказывают о своих успехах, о своей жизни, но Лена Коростелева, как я вам уже сказала, не очень интересовалась учебной и школьной жизнью, ее вообще интересовало только одно,

точнее, один...

– Один? – переспросила Лола.

– Ну да! – подтвердила старушка с явным неодобрением. – Она была безумно увлечена каким-то актером. Из тех, знаете, которые снимаются в низкопробных сериалах...

Анна Васильевна всем своим видом показала степень неодобрения, какое она испытывала и к таким сериалам, и к снимающимся в них актерам, и к тем людям, которые этими актерами восхищаются.

– Можете себе представить, она приходила ко мне в библиотеку не за книгами, а за журналами самого легкомысленного толка, в которых могла найти какую-нибудь статью о нем, желательно с фотографиями. И мало того: как-то я пролистала журналы, которые она вернула, и оказалось, что она вырезала из них все фотографии своего кумира! Это из библиотечных журналов! В первый момент я очень рассердилась и хотела добиваться самого серьезного наказания, вплоть до снижения оценки по поведению, но потом остыла и передумала. В конце концов это было что-то вроде болезни, девочка не виновата... боюсь, что сам актер дал ей повод для такого легкомысленного поведения, и жизнь ее в конечном итоге наказала...

– Сам актер? – удивилась Лола. – То есть вы хотите сказать, что Лена Коростелева не только собирала журнальные вырезки и фотографии, но и лично познакомилась со своим кумиром? Какая, однако, предприимчивая девочка!

Сама Лола в подростковом возрасте тоже переболела подобным увлечением, она собирала фотографии знаменитых российских и зарубежных актеров, обменивалась этими фотографиями с подружками и клеивала их в специальный альбом. Особенно много у нее было фотографий Леонардо ди Каприо. Однако дальше фотографий дело никогда не заходило, и ей не пришлось бы в голову пытаться познакомиться с Леонардо.

– Да, – вторглась в ее романтические воспоминания Анна Васильевна, – говорили, что она с ним познакомилась... близко познакомилась. Больше того, там была какая-то грязная история, возможно, именно из-за этого родители Лены переехали на другой конец страны – чтобы увезти ее как можно дальше от этого человека. Но не в моих правилах обсуждать такие скандальные истории! – закончила Анна Васильевна и неодобрительно поджала губы.

– А вы не могли бы вспомнить имя этого актера? – спросила Лола с надеждой.

– Разумеется, я не помню его имени! – сухо отрезала принципиальная старушка. – Меня не интересует сомнительное искусство и его аморальные представители!

– Но, возможно, это помогло бы мне найти Лену, – взмолилась Лола. – Ведь она заняла первое место в конкурсе, значит, у нее были литературные способности... возможно, их еще можно развить! Вы, как библиотекарь, не можете остаться в стороне...

– Ну, не знаю, чем я могу вам помочь... – заколебалась старушка. – Все, что я помню, – этот, с позволения сказать, актер любил всюду появляться в капитанской фуражке. Он сыграл в каком-то низкопробном сериале роль морского волка и с тех пор возомнил, что эта фуражка ему очень к лицу, так что приходил в ней даже на официальные мероприятия...

Тут Лола поняла, о ком идет речь.

Действительно, лет пятнадцать назад второстепенный театральный актер Федор Маевский сыграл роль капитана дальнего плавания в популярном телевизионном сериале и на какое-то время стал знаменитым. После этой роли он невероятно возгордился, бросил театр и возомнил себя великим киноактером. По совету продюсера он и правда в рекламных целях всюду ходил в белой морской фуражке. Злые языки утверждали, что он в ней даже спит.

Правда, через несколько месяцев его слава сошла на нет, продюсер охладел к Федору, и Федор забросил злополучную фуражку на антресоли. С тех пор его звезда закатилась, удачных ролей ему больше не предлагали. Какое-то время он зарабатывал выступлениями на праздниках и корпоративах, но скоро и этот заработок прекратился. Где Федор сейчас и чем он занимается, Лола не знала.

Но зато она знала человека, который ей наверняка расскажет все о прошлом, настоящем и даже будущем Федора. Причем делает это очень охотно.

Это была Варвара Семипядева, много лет проработавшая в Среднем драматическом театре, в труппу которого входил до своего звездного часа Федор Маевский. Лола была с Варварой хорошо знакома с того далекого уже времени, когда и сама работала в театре. Варвара была женщина общительная и не вредная, главным ее недостатком была излишняя болтливость, но в данном случае это можно было считать скорее достоинством.

Анна Васильевна все равно больше ничем ей помочь не могла. Лола от имени испанского консульства поблагодарила ее за ценные сведения и покинула гостеприимные школьные стены.

Выйдя на улицу, она первым делом нашла в памяти своего мобильного телефона Семипядевой и позвонила ей.

Варвара ответила сразу, больше того – она тут же узнала Лолу, хотя с последней их встречи прошло несколько лет. Однако вместо радости в ее голосе прозвучало разочарование. Она явно ожидала звонка от кого-то другого.

– Варя, можно, я к тебе зайду? – спросила Лола без долгих предисловий.

– Ну, заходи... – ответила Семипядева. – Только в магазин заскочи по дороге, а то у меня к чаю ничего нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.